

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» CANCEL CULTURE

Сыров В.Н. «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 7-22. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_7

УДК 304.2:93

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_7

«Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения

Василий Николаевич Сыров

Томский государственный университет

г. Томск, Россия

E-mail: narrat@inbox.ru

*Поступила в редакцию 24.06.2024, поступила после рецензирования 05.08.2024,
принята к публикации 05.09.2024*

«Культура отмены» как современная форма остракизма характеризует определенные формы общественной активности, в первую очередь в социальных сетях. Однако она все чаще используется не только в отношении публичных фигур, групп людей, брендов, но и для переоценки значимости широкого круга социально-культурных вопросов, в том числе исторического прошлого. В этой связи особый интерес представляют способы и контексты обращения к идее канселлинга представителей научного сообщества, что предполагает, в отличие от общественных активистов, определенную степень дистанцирования от различных практик «культуры отмены». Целью настоящей статьи является анализ обращения к идее отмены в исследовательской литературе. По мнению автора, это предполагает последовательное обсуждение следующих вопросов: 1) статус понятия «отмена» и соотношение

© Сыров В.Н., 2024

метафоры и канселлинга; 2) анализ возможностей распространения дискурса «культуры отмены» на новые предметные области; 3) канселлинг в исторической науке; 4) роль государства в распространении практик «культуры отмены». Доказывается, что происхождение идеи отмены можно связать с метафорическим характером любого положения, претендующего на оригинальность и новизну. Придание ей статуса термина требует совокупности определенных интерпретаций, иначе она останется риторической фигурой или идеологической установкой. Выдвигается тезис о том, что введение в исследовательский дискурс и соответствующее употребление как самого термина, так и языка «культуры отмены» предполагают наличие сложившегося в общественном и профессиональном дискурсе канона, или совокупности значимых объектов, которые могут стать предметом канселлинга. Подчеркивается, что речь должна идти об определении правомерности самих исследовательских интерпретаций, то есть о сохранении их исследовательского потенциала (можно ли считать те или иные дискурсы и практики формами проявления именно «культуры отмены»), а не имплицитном выражении идеологических установок.

Ключевые слова: «культура отмены», исследовательская литература, метафора, дискурс отмены, практики отмены, историческое прошлое, историческое знание

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Cancel Culture: On the Criteria for Definition and the Legitimacy of Its Application

Vasily N. Syrov

Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: narrat@inbox.ru

Received 24.06.2024, revised 05.08.2024, accepted 05.09.2024

Abstract. Cancel culture as a modern form of ostracism characterizes certain forms of public activism, primarily on social networks. However, it is increasingly applied not only to public figures, groups and brands but also to re-evaluation of a wide range of socio-cultural issues, including the historical past. In this regard, the ways and contexts of addressing the idea of cancelling by representatives of the scientific community are of particular interest. Unlike public activism, this involves a certain degree of distancing from various cancel culture practices. The aim of the article is to analyze the idea of cancelling in the research literature. According to the author, this requires a consistent discussion of the following issues: 1) the status of the term “cancel” and the relationship between metaphor and cancelling; 2) an analysis of the possibilities of spreading the discourse of cancel culture to new subject areas; 3) cancelling in historical science; 4) the role of the state in spreading the practices of cancel culture. It is argued that the origin of the idea of cancelling can be associated with the metaphorical nature of any position that claims to be original and novel. Giving it the status of a term requires a set of certain interpretations, otherwise it will remain a rhetorical figure or ideological attitudes. The article puts forward the thesis that the introduction of both the term cancel culture and its language into research discourse presuppose the existence of a canon or a set of significant objects,

established in public and professional discourse, which can become subjects of cancellation. It is emphasized that the discussion should focus on legitimacy of research interpretations themselves, specifically on preserving their research potential (i.e., whether certain discourses and practices can be considered manifestations of cancel culture), rather than implicitly expressing ideological stances.

Keywords: cancel culture, research literature, metaphor, cancel discourse, cancellation practices, historical past, historical knowledge

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>

For citation: Syrov V.N. Cancel Culture: On the Criteria for Definition and the Legitimacy of Its Application, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 7-22. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_7

Введение

«Культура отмены» (cancel culture) как характеристика определенных форм современной общественной активности (в первую очередь в социальных сетях) получила широкое распространение как в общественном сознании, так и в соответствующей исследовательской литературе. Если изначально канселлинг проявлялся в отмене человека, группы людей, брендов, нарушавших признанные сообществом нормы этики, то в последнее время подобные практики все чаще встречаются в новых предметных областях. Д. Эпплмен осмысливает последствия переоценки так называемого литературного канона в школьных программах (Appleman 2022); отечественные авторы пишут о попытках «отмены России» и всего, что с ней связано, включая бизнес, культуру, спорт, образование и науку (Дериглазова, Погорельская 2023: 9), о стремлении вычеркнуть «русский след» из мирового культурного наследия путем «смены гражданства» творцов, чьи шедевры всегда воспринимались как продукт высокой культуры России (Рустамова, Иванова 2023: 438-439). Подобного рода высказывания позволяют поставить вопрос о критериях применения термина «культура отмены» и связанного с ним языка описания к характеристике широкого спектра современных культурных процессов и явлений. Интерес вызывают способы и контексты обращения к идее канселлинга представителей научного сообщества, что предполагает, в отличие от общественных активистов, определенную степень дистанцирования от различных практик «культуры отмены», а также ее переосмысление как научной метафоры.

Полагаем, что обсуждение данного вопроса связано с последовательным рассмотрением нескольких аспектов. Начать стоит с осмысления статуса самой идеи отмены, а значит, тех перспектив и возможных обязательств, которые этот статус налагает. Толчком к разворачиванию предложенной последовательности рассуждений будет тезис о том, что происхождение понятия отмены можно связать с метафорическим характером любого положения, претендующего на оригинальность и новизну. Далее следует обсудить перспективы и потенциал его применения в исследовательской литературе к тем или иным объектам и возможности распространения на новые

предметные области. Речь будет идти, прежде всего, об отношении к историческому прошлому. В завершение мы рассмотрим влияние различных акторов на распространение канселлинга, в том числе возможности включения государства в подобные практики.

«Культура отмены» как метафора

Современные трактовки места и роли метафоры избегают сведения ее только к эстетическому эффекту. Как подчеркивает Х. Уайт, «метафора не дает образа вещи, которую она стремится охарактеризовать, она дает направление для поиска списка образов, связанных с такой вещью. Она более функционирует как символ, чем как знак, который... предлагает нам не описание или отражение представляемой вещи, но указывает, какие образы искать в нашем культурном коде для того, чтобы определить, как нам следовало бы переживать по поводу представленной вещи» (White 1978: 53). Делая акцент на интерпретативном аспекте использования метафоры, М. Элвессон отмечает: «Для того, чтобы метафора была действенной, ее творец/аналитик или ее потребитель/читатель должны выделить правильные элементы, в которых признаки перенесены из одной области в другую и на которые направлено основное внимание в объекте» (Элвессон 2005: 51).

С этих позиций метафору можно рассматривать как необходимый элемент в процессе производства нового значения (или новой идеи), в котором следует предположить наличие операции, не имеющей прямого отношения к этому производству. Она представляет собой необычное сочетание привычных компонентов, которое не сводится к простому нарушению правил, а призвано создать эффект потрясения, возбуждения и последующего желания снова и снова повторять созданные сочетания, чтобы продлить удовольствие. Возбуждение от столь необычного сочетания и ощущение его не до конца отрефлексированной силы надлежит рассматривать не только как субъективный психологический момент творчества, но и как единственно возможный индикатор, по которому определяется сам факт специфичности производства метафоры и ее удачность. Психологическую потребность постоянно повторять поражающее сочетание надлежит считать лишь следствием реализации данной процедуры. Другими словами, мы считаем тождественными утверждения о создании новизны и создании метафоры.

Любая новая идея всегда возникает в виде метафоры, а уже потом, если вызывает интерес исследовательского сообщества, становится объектом интерпретации. Последнюю можно считать уже собственно исследовательской процедурой, предполагающей действия по превращению метафоры в термин. В самой метафоре нет оснований для отрицания возможности последующего применения предложенных интерпретаций к новым исследовательским областям. Метафора «любовь как роза» предполагает возможность акцента как на красоте цветка, так и на его шипах. Этот феномен достаточно хорошо исследован, однако среди теоретиков недостаточно внимания уделяется обратной ситуации. Идея может остаться всего лишь метафорой, а ее распространение на новые исследовательские области будет приобретать

характер имплицитного наклеивания идеологического ярлыка с целью сокрытия подлинных намерений или свидетельствовать об отсутствии элементарной рефлексивности по отношению к используемому языку.

О.В. Головашина справедливо подчеркивает, что «метафора, метонимия, синекдоха, ирония существуют не только в литературных (и исторических, как показал Уайт) текстах, но и в буклетах туристических агентств, обещающих погружение в прошлое, в высказываниях политиков, дискуссиях на тематических форумах. Их употребление не выходит за рамки риторических фигур, а выступает как определенная модель действий для участников, читателей, свидетелей» (Головашина 2021: 76). Рискнем продолжить мысль автора: модель действий с целью произведения скорее прагматического, нежели исследовательского эффекта. «...Применительно к исторической политике, как и к историческим текстам, риторика зачастую занимает роль теории. В процессе реализации различных коммеморативных мероприятий, акций участников (как историки – своих читателей) убеждают, какое именно восприятие тех или иных событий правильное и объективное» (Головашина 2021: 76).

Мы полагаем, что приведенные выше соображения по поводу перспектив использования метафоры могут быть применены к популярному в настоящее время словосочетанию «культура отмены». Наш ключевой тезис заключается в утверждении ряда аргументов, подтверждающих, что, с одной стороны, сила произведенного идеей отмены метафорического эффекта может обеспечить ее эвристичность и способствовать тем самым введению в исследовательский оборот новых дискурсивных инструментов. С другой стороны, в силу идеологических и социально-культурных обстоятельств, это словосочетание может ожидать судьба не только остаться на уровне метафоры, но и активно использоваться (пусть зачастую и бессознательно) для производства идеологического, а не исследовательского эффекта.

В словарях термин «отмена» дается в достаточно широком диапазоне значений, связанном с действиями в отношении различных объектов или социально-культурных процессов. Поэтому его применение к людям, предполагающее отождествление самого отношения с набором весьма определенных действий (те или иные формы бойкота), можно считать выражением метафорического эффекта (отменить самих людей).

Еще более примечательны игры с сочетанием терминов «отмена» и «культура». «Культура... больше похожа на стиль или комплекс техник и привычек, чем на совокупность предпочтений и потребностей. <...> Она скорее подобна “набору инструментов” или репертуару, из которого актеры выбирают различные детали для конструирования линий своего поведения» (Swidler 1986: 275, 277), то есть «культура отмены» представляет собой набор шаблонов действий. При этом «семантика глагола *cancel* переносится в общественном сознании с носителей культуры на саму культуру» (Фефелов 2022: 132), что делает возможным своеобразное смещение акцентов с «культуры отмены» на «отмену культуры». В некотором смысле использование слова «отмена» начинает характеризовать не только формы бойкота, но и изменение оценки значимости (в первую очередь в общественном

сознании) различных культурных объектов. Призыв «отменить Шекспира», к примеру, подразумевает изменение значения его творческого наследия, что включает определенный набор действий – обвинение его текстов в различных «фобиях» и «измах» с последующих их изъятием (или призывами к нему) из школьных или университетских программ. Характерным примером такого смещения значения является словосочетание «отмена России» (Рустамова, Иванова 2023: 438), подразумевающее не только призывы и практики бойкота по национальному признаку, но и изменение отношения ко всем элементам, которые в отечественной традиции ассоциируются с понятием культуры.

Таким образом, фактически речь идет о постепенном и зачастую мало-заметном превращении метафоры отмены в часть понятийного аппарата, используемого рядом исследователей. Наш тезис заключается в том, что слово «отмена», приобретающее статус термина, начинает использоваться, как уже отмечалось выше, не только для оценки публичных фигур, но и характеристики (в первую очередь переоценки) значимости широкого круга социально-культурных объектов. Этот процесс проявляется и в отношении к историческому прошлому.

Канселлинг и история

Как отмечается в статье А.А. Линченко, «несмотря на то, что основные концепты общественного движения BLM отражают актуальные ценности преодоления насилия и расового неравенства в настоящем (жизнь, справедливость, равенство, ненасилие), с самого момента своего основания BLM использовало прошлое как важнейший символический ресурс... Это позволяет в полной мере видеть в BLM сообщество памяти, коммеморативные практики которого, во-первых, направлены на увековечивание памяти... во-вторых, на символическое перекодирование социального пространства...» (Линченко 2024: 231-232). Поэтому, подчеркивают Е.В. Беляева и А.А. Линченко, «культура отмены как способ переоценки ценностей применяется не только по отношению к знаменитостям, она разворачивается как публичная практика обращения с историей и состоит в пересмотре значения событий прошлого на основании критериев современного общества» (Беляева, Линченко 2023: 301).

В общественных практиках такой пересмотр обычно связывается с применением определенных инструментов – изъятием упоминания о тех или иных объектах из публичного дискурса, их буквальной или символической ликвидацией. Мемориализация «создает коллективную память и коллективные нарративы, наиболее приемлемые современностью, поскольку они отражают то, что общество считает важным, приемлемым и даже воодушевляющим. Общественные ландшафты являются местом для диалога и демократических дискуссий, и они могут способствовать передаче знаний об исторических событиях» (Leyh 2020: 242). Поэтому действия по отмене именно в этом контексте приобретают более символическое значение. Как справедливо отмечает Е. Нг, подобные практики могут приводить к игно-

рированию структурных причин тех или иных обсуждаемых и осуждаемых явлений (Ng 2022: 65), но они же способны стать катализатором для более масштабного и глубинного осмысления процессов, выражением, симптомом или символом которых являются (Ng 2022: 140). Можно утверждать, что аутентичность отмены проявляется в реакции именно общественно-го сознания, публики или отдельных социальных групп, которым удается представить свои ценности как общественно значимые.

Поскольку речь идет об использовании истории в публичной сфере, само применение термина «отмена» в этом контексте можно рассматривать как расширение его первоначальной предметной области употребления и смещение значения. Как уже отмечалось выше, в исследовательской литературе канселлинг начинает связываться с переоценкой значения тех или иных исторических объектов (персонажей, явлений, тем, сюжетов), предполагающей, помимо прочего, разрыв сути переоценки с инструментами ее осуществления. Иначе говоря, отмена прошлого как его переоценка уже не предполагает применения форм общественного порицания в виде бойкота или не сводится к нему.

Полагаем, что такое смещение значения может порождать соблазн применения термина к анализу внутренней деятельности профессионального сообщества. Здесь мы не имеем в виду призывы внутри академической среды к бойкотированию коллег за их высказывания (в этом они ничем не отличаются от активистов в любой другой среде), дискуссии внутри сообщества исследователей по поводу оценки самой «культуры отмены» и даже призывы к отмене тех или иных текстов (по аналогии с ревизией литературного канона). Речь идет об использовании термина в отношении процесса и результатов профессиональной деятельности, то есть не столько о практиках, сколько об оценке возможности такого применения.

Анализ можно предварить тезисом, с которого, видимо, начинаются лекции на историческом факультете: каждое поколение (в данном случае историков) переписывает историю заново. Однако буквальное использование публичных инструментов отмены кажется здесь маловероятным и даже сомнительным. Правила научного дискурса требуют оперирования рациональной аргументацией за и против. Как резюмируют авторы статьи о дискуссиях по поводу памятника К. Линнею в Швеции, «хотя историография постоянно подвергается пересмотру в свете новых фактов и новых перспектив, в публичной сфере, где память формируется доминирующими интересами, споры о прославленном прошлом, скорее всего, встретят сопротивление» (Hübinette, Wikström, Samuelsson 2022: 49). Как своего рода ответ на этот тезис можно привести высказывание П. Берка: «Ни воспоминания, ни истории больше не кажутся объективными. В обоих случаях историки учатся принимать во внимание сознательный или бессознательный отбор, интерпретацию и искажение. В обоих случаях они приходят к выводу, что процесс отбора, интерпретации и искажений обусловлен или, по крайней мере, находится под влиянием социальных групп» (Burke 1997: 44). Данный тезис, как представляется, характеризует не просто субъективное мнение одного автора, а отражает общее изменение исследовательского

(да и общественного) климата в оценке природы, места и роли научного познания в целом.

Здесь мы можем обратиться к выводу П. Бурдые: «Нет такого научного “выбора”, будь то выбор области исследований, используемых методов, печатного органа для публикации, или ...выбор между поспешной публикацией частично проверенных результатов и поздней публикацией полностью контролируемых результатов, который не был бы... политической стратегией инвестиций, направленной... на увеличение чисто научной прибыли, то есть признания, полученного со стороны коллег-конкурентов» (Бурдые 2005: 478-479). Если П. Бурдые еще рассуждает о перспективах автономии поля науки, то в свете весьма распространенных идей, подобных тезисам Дж. Зимана о смене академической науки постакадемической (Ziman 1998), традиционные барьеры между наукой и обществом, наукой и этикой кажутся нуждающимися, как минимум, в корректировке.

Что касается исторического знания, то его нейтральность подвергается вполне обоснованной критике. Из последних событий можно отметить введение во многих странах законов, прямо запрещающих (и регулирующих, помимо прочего, деятельность профессионального сообщества) публичное отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдание преступлений нацистов. С другой стороны, можно говорить об общественной рецепции некоторых выводов историков. К. Лоренц пишет о нашумевшей в ФРГ дискуссии 1986–1987 гг., вызванной интерпретациями национал-социализма известными историками Э. Нольте и А. Хиллгрубером, в частности, о реакции Ю. Хабермаса на их идеи (Lorenz 1994). По мнению автора, эта дискуссия, помимо этических или идеологических эффектов, ставит под вопрос традиционное позитивистское разделение на факты и ценности, а также позволяет сделать вывод о том, что нормативное измерение истории не может быть элиминировано и нуждается в рациональном оправдании (Lorenz 1994: 343). Поэтому «фундаментальное различие» между суждениями о фактах и оценочными суждениями больше не может восприниматься как нечто само собой разумеющееся и использоваться в качестве аргумента для сужения сферы исторической дискуссии» (Lorenz 1994: 364). По сути, речь идет о том, что аксиологический аспект, обычно трактовавшийся как внешний по отношению к исторической продукции, может быть обоснованно интерпретирован как структурный элемент самого исторического исследования. Это существенно меняет и характер доводов, приводимых в пользу тех или иных исторических тем, и содержание самих тем в сторону дальнейшего стирания граней между собственно профессиональной деятельностью и публичной реакцией на нее.

Обратим внимание еще на один аспект. Как отмечает Й. Рюзен, «большая часть международного и межкультурного дискурса об историографии находится под влиянием способа исторического мышления, глубоко укоренившегося в историческом сознании человека и работающего во всех культурах и во все времена: этноцентризм» (Rüsen 2004: 364). Помимо многообразия внешних факторов, влияющих на эти процессы, Б. Бевернейдж указывает на частую подмену истины аутентичностью как особен-

ность исторических нарративов (Bevernage 2018: 83). Й. Рюзен выражает эту мысль в более категоричной форме: «Никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» (Rüsen 2004: 128). Приведенное суждение объясняет болезненность реакции историков на те или иные суждения и интерпретации коллег по цеху. В более широком смысле описанная совокупность факторов, как представляется, позволяет понять основания, которые могут быть использованы для применения термина «отмена» и связанного с ней языка описания к характеристике данной сферы профессиональной деятельности.

Если в предшествующих рассуждениях мы попытались рассмотреть результаты и потенциальные возможности употребления термина «отмена» в профессиональной деятельности, то далее выделим некоторые критерии его использования. Напомним еще раз, что речь идет не об оценке самого феномена, а о правомерности употребления термина для характеристики процессов и событий, происходящих в той или иной области социальной жизни, в том числе в исследовательской сфере.

Канселлинг как пересмотр канона

Д.А. Аникин и Р.Ю. Батищев подчеркивают, что «культуру отмены можно рассматривать в качестве одной из форм исторического забвения как инструмента реализации коллективных интересов и представлений посредством формирования или конфигурирования образов прошлого. Но сама по себе такая констатация еще не может являться основанием для исследования, требуя формирования набора признаков, позволяющих в совокупности говорить о том, что определенное изменение отношения к прошлому может рассматриваться именно как культура отмены» (Аникин, Батищев 2024: 175). Далее авторы предлагают набор критериев, согласно которым те или иные высказывания и практики можно связывать с проявлением «культуры отмены»: роль общественной инициативы; наличие моральных оценок; презентизм в их осуществлении (Аникин, Батищев 2024: 175-176).

Полагаем, что эти критерии могут быть использованы для характеристики «культуры отмены» не только по отношению к оценке прошлого. Рискнем утверждать, что наиболее уместное и распространенное использование тезиса об отмене предполагает ситуации или тип ситуаций, когда в общественном сознании сложился и устоялся некоторый набор значимых персонажей, их действий или продуктов в виде текстов, тем, сюжетов и так далее, а потом этот набор в силу ряда причин начинает радикально пересматриваться. Радикальность проявляется, образно говоря, в смене плюсов на минусы. Полагаем, что призывы к бойкоту персонажей или продуктов их деятельности обусловлены спецификой объекта. Наиболее уместным термином, который позволяет охватить все возможные объекты и формы отмены, будет, на наш взгляд, канон по аналогии с литературным каноном. Понятно, что термин используется задним числом для охвата актуальных или потенциальных объектов, что такой список или набор открыт, а его содержание зависит от того, какие темы или проблемы приобретут общественную значимость.

Пока мы не касаемся мотивов и целей отмены. И даже не затрагиваем вопрос о субъекте действий (кто ее осуществляет, кто стоит за публичным шумом), а концентрируемся на самом факте пересмотра сложившегося канона безотносительно его контекста. Но уже на этом этапе рассуждений можно утверждать следующее. Согласно Н. Финкельштейну, «культура отмены» стара, как и сама культура, каждое общество устанавливает границы допустимого (Finkelstein 2023). Но сам по себе факт установления границ допустимого еще не означает правомерности применения для характеристики этой процедуры языка канселлинга. Более того, даже использование таких инструментов, как умолчание и забвение, которые представлены в работе А. Ассман «Забвение истории – одержимость историей» (Ассман 2019: 19-59), еще не говорит об их тождественности инструментам именно отмены, о чем напоминают Д.А. Аникин и Р.Ю. Батищев.

То же утверждение касается вопроса о применении термина «отмена» к оценке исторического прошлого. Создание любой национальной истории, как и истории вообще, предполагает процедуру отделения существенного от несущественного, которая всегда отличается определенной степенью пристрастности. Поскольку каждая национальная культура периодически сталкивается с разными народами, она также включает интерпретацию этих контактов. В итоге мы вполне можем утверждать, что в силу, например, споров о приоритете одни и те же научные открытия в разных странах могут обозначаться именами разных персонажей, одни и те же события – получать разную интерпретацию и оценку, более того, в истории одной страны актуализироваться, а в истории другой – замалчиваться или считаться несущественными. Но представляется, что эти обстоятельства сами по себе еще не являются достаточным основанием для их характеристики в терминах «культуры отмены» и для обвинения в тех или иных «фобиях» и «измах».

Мы, конечно, вправе использовать язык описания и оценки типа «субъективность», «односторонность», «пристрастность», «историческая несправедливость» и так далее, как и констатировать наличие дискуссий о значимости тех или иных объектов, но к отмене или «культуре отмены» они не будут иметь прямого отношения. Чтобы что-то отменить, необходимо, чтобы уже имел место сформировавшийся и обладающий легитимностью (в публичном дискурсе или дискурсе академического сообщества) объект или набор объектов, отношение к которым можно было бы пересмотреть. В ситуации отсутствия такого канона мы можем говорить либо об идеологической ангажированности использованной терминологии (когда, к примеру, утверждается, что в какой-то историографической традиции отменяют исторического персонажа), либо о ее нерелевантном употреблении. Соответственно, речь пойдет либо о предпосылках формирования «культуры отмены», что констатирует нарастание критического отношения к тем или иным предметам канона, либо о приводимых основаниях для ее применения.

Резонно предположить, что индикатором правомерности употребления понятия «отмена» и соответствующего ему языка описания следует считать фиксацию в соответствующем дискурсе аспекта динамики. Другими словами, если мы можем зафиксировать тенденцию к пересмотру пан-

теона и последующему росту публичной значимости данного пересмотра, тогда резонно маркировать этот процесс как канселлинг. И неважно, идет речь о персонажах и событиях собственной культуры, истории других обществ или объектах культуры в целом.

Может ли государство быть актором «культуры отмены»?

Характеризуя условия и формы проявления «культуры отмены», М.Ю. Немцев отмечает, что отличительной чертой современности становится появление «мира децентрализованных глобальных медиа, где очень быстро возникают информационные волны и контролировать их распространение невозможно. Зато они создают удобную основу для спонтанной со-организации массы активистов»¹. Этот тезис заставляет поднять еще один вопрос: насколько правомерно связывать или отождествлять «культуру отмены» с государственной политикой? Вправе ли мы использовать терминологию и язык канселлинга для характеристики тех или иных действий, прямо или косвенно инициированных государством? Например, вышеупомянутая Е. Нг анализирует, как «культура отмены» переплетается в КНР с политическими дискурсами и формами государственного участия (Ng 2022).

В сложившемся понимании канселлинга принято считать, что он является продуктом общественной инициативы. Как отмечают Д.А. Аникин и Р.Ю. Батищев, «принципиально важно, что в роли инициаторов культуры отмены выступают не какие-либо официальные институты, а исключительно общественные организации или отдельные лидеры общественного мнения» (Аникин, Батищев 2024: 175). Однако то, что первоначально возникло как продукт спонтанных общественных инициатив, может в дальнейшем узурпироваться крупными корпорациями в интересах бизнеса или властью в политических или идеологических целях. Государство может прямо или косвенно (в том числе через подконтрольные средства массовой информации и общественные организации) выступить инициатором актуализации дискурса и даже практик отмены. Возможно допустить ситуацию, когда государственная инициатива может оказаться единственным голосом так называемого здравого смысла среди общественного хаоса и безумия. Но использование языка «культуры отмены» для характеристики государственной политики означает существенную деформацию как самой идеи отмены, так и механизмов ее реализации.

Можно утверждать, что в такого рода ситуациях форма остается той же при радикальном изменении содержания. По сходному поводу Л.Г. Фишман замечает, что «российская официальная политика памяти не вытекает из действительного признания случившейся в 1991 г. катастрофы и вытекающего из нее разрыва с прошлым. Можно сказать, она основана на принципиальном игнорировании этой катастрофы именно как поражения,

---

¹ Насколько уместна критика «новой этики» в современной России? Интервью Т. Левиной с М. Немцевым // Историческая экспертиза. URL: <https://www.istorex.org/post/насколько-уместна-критика-новой-этики-в-современной-россии-интервью-татьяны-левиной-с-михаилом> (дата обращения: 23.06.2024).

результатом осмысления которого мог бы стать существенно иной образ российской идентичности. И теперь, когда мы в очередной раз переживаем катастрофу, причем глобального масштаба, ее потенциал не используется для формирования российской национальной идентичности, соответствующей современным реалиям» (Фишман 2024: 47-48). Иначе говоря, политика памяти может выражать современные тренды, решать актуальные задачи, использовать популярный язык, но не иметь связи с временным контекстом.

Если настаивать на правомерности применения к действиям государственной власти языка канселлинга, следует учитывать контекст – характер политического режима и наличие/отсутствие общественной поддержки тех или иных правительственных инициатив. Представляется также, что выдвинутые тезисы позволяют более внимательно отнестись к вышеупомянутым суждениям о том, что каждое общество устанавливает границы допустимого, а «культура отмены» стара как мир. Конечно, история знает немало примеров, когда новый правитель стирал или пытался стереть из памяти подданных упоминания о своих предшественниках. Но мы полагаем, что проведение подобных аналогий по эвристичности сродни популярным в общественном сознании банальностям типа «во все времена есть богатые и бедные», «в мире всегда были войны» и т.д. Поэтому упрек в презентизме, справедливо предъявляемый активистам отмены, правомерен и в отношении исследователей, поскольку затемняет эвристичность используемых ими дискурсивных инструментов – степень новизны в определении объектов отмены², форм ее реализации, ключевых акторов, мотивации участников и т.д.

О мотивации акторов канселлинга

Рассмотрим еще один аспект, который в свете распространенных в публицистике и исследовательской литературе оценок «культуры отмены» зачастую кажется очевидным. Это отождествление канселлинга с ложью и фальсификацией, а мотивации ее авторов – со стремлением к власти и доминированию в духе конспирологических теорий. Конечно, достаточно часто дискурс и практики отмены явно или неявно основываются на недостоверной или сомнительной интерпретации того или иного эмпирического материала, а общественные инициативы оказываются удобным инструментом для реализации воли к власти отдельных групп или частных интересов³.

Игнорирование данного обстоятельства вполне заслуживает упреков в наивности, односторонности, поверхностности, упрощенности, идеологической ангажированности трактовки сути и функций «культуры отмены», мотивов и инициатив ее участников. Однако, опираясь на психоанализ, обратим внимание на то, что за внешней стороной используемых общественностью дискурсов и практик могут скрываться совершенно иные причины

---

² Хотя, конечно, вопрос о новизне решается в ходе исследовательского анализа и соответствующей аргументации.

³ Хорошим примером добротного и, как нам кажется, исчерпывающего анализа в этом направлении можно считать работу «Этизация истории и фигуры умолчания в современной культуре отмены» (Беляева, Линченко 2023).

(мотивы) неудовлетворенности современной социальной реальностью, которые не всегда осознаются ее участниками или в которых они не могут (не хотят) себе признаться. Даже если говорить о протесте как воплощении сущности массовых публичных практик, то может оказаться, что он выполняет функцию сублимации в силу общей тревожности современного индивида (Bracken 2002: 207).

В любом случае налицо весьма противоречивые, если не противоположные, оценки этого социально-культурного феномена (Owens 2023). Сторонники применения процедур канселлинга полагают, что данные действия направлены на публичное порицание кого-либо за предполагаемое или реальное социальное нарушение, которое не было должным образом устранено с помощью традиционных каналов. Другими словами, грань между искренней заботой о социальной справедливости и придирчивостью к чьему-либо поведению оказывается весьма тонкой⁴. В этой связи рассмотрение в исследовательской литературе различных подходов поможет разнообразить палитру интерпретации мотивации участников, избежать упреков в ее упрощении или искажении. Кроме того, это позволит продвинуться в понимании мотивов самих авторов, даст возможность судить об идеологических предпочтениях не только объектов, но и субъектов анализа.

Здесь следует отметить еще один момент. В исследовательской литературе правомерно отмечается преобладание этического аспекта в действиях акторов канселлинга (Беляева, Линченко 2023: 307). Этот аспект, во-первых, существенно смещает смысл и значимость негативных оценок «культуры отмены», поскольку речь идет не только об оценке дискурсов и практик ее участников (посягательство на свободу слова, к примеру). Во-вторых, сама методология экспликации скрытых интенций за внешними формами их проявления способна порождать обратный эффект: предлагаемые интерпретации могут либо не иметь никакого отношения к описываемому феномену, либо оказаться идеологическими, а не эпистемологическими инструментами. Иначе говоря, упрек в идеологичности может быть обращен не только к тому, что описывается, но и к тем, кто описывает.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что ключевым критерием в определении правомерности применения языка канселлинга следует считать наличие сложившегося и обладающего значимостью канона в трактовке тех или иных объектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин Д.А., Батищев Р.Ю. 2024. «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Т. 6, № 1. С. 172-187. DOI 10.46539/gmd.v6i1.445

Ассман А. 2019. Забвение истории – одержимость историей. Москва : Новое литературное обозрение. 552 с.

⁴ Trigo L. A. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // *PopMeC Research Blog*. 29.09.2020. URL: <https://popmec.hypotheses.org/3043> (дата обращения: 23.06.2024).

Беляева Е.В., Линченко А.А. 2023. Этизация истории и фигуры умолчания в современной культуре отмены // Молчание и умолчание в истории / под ред. О.В. Воробьевой. Москва : Институт всеобщей истории РАН. С. 300-322.

Бурдые П. 2005. Поле науки // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. С. 473-517.

Головашина О.В. 2021. «Метаистория» Х. Уайта и социальные условия исторической ответственности // *Tempus et Memoria*. Т. 2, № 2. С. 73-79. DOI 10.15826/tetm.2021.2.015

Дериглазова Л.В., Погорельская А.М. 2023. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. Т. 16, № 4. С. 7-33. DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33

Линченко А.А. 2024. Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Т. 6, № 1. С. 225-243. DOI 10.46539/gmd.v6i1.447

Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г. 2023. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 25, № 2. С. 434-444. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444

Фефелов А.Ф. 2022. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 20, № 1. С. 126-144. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144

Фишман Л.Г. 2024. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. Т. 24, № 1. С. 39-52. DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Элвессон М. 2005. Организационная культура. Харьков : Гуманитарный Центр. 460 с.

Appleman D. 2022. *Literature and the New Culture Wars: Triggers, Cancel Culture, and the Teacher's Dilemma*. W.W. Norton & Company. 192 p.

Bevernage B. 2018. *Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History'// The Ethos of History. Time and Responsibility / ed. by St. Helgesson, J. Svenungsson*. New York ; Oxford : Berghahn Books. P. 71-93.

Bracken P.J. 2002. *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. London : Whurr Publishers. 258 p.

Burke P. 1997. *History as Social Memory // Burke P. Varieties of Cultural History*. Ithaca : Cornell University Press. P. 43-59.

Finkelstein N. 2023. *I'll Burn that Bridge When I Get to It! Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom*. Sublation Press. 544 p.

Hübinette T., Wikström P., Samuelsson J. 2022. *Scientist or Racist? The Racialized Memory War Over Monuments to Carl Linnaeus in Sweden During the Black Lives Matter Summer of 2020 // Journal of Ethnic and Cultural Studies*. Vol. 9, iss. 3. P. 27-55. DOI 10.29333/ejecs/1095

Leyh B.M. 2020. *Imperatives of the Present: Black Lives Matter and the Politics of Memory and Memorialization // Netherlands Quarterly of Human Rights*. Vol. 38, iss. 4. P. 239-245. DOI 10.1177/0924051920967541

Lorenz C. 1994. *Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for "Internal Realism" // History and Theory*. Vol. 33, iss. 3. P. 342-376. DOI 10.2307/2505476

Ng E. 2022. *Cancel Culture. A Critical Analysis*. Cham : Palgrave Macmillan. 153 p.

Owens E. 2023. *The Case for Cancel Culture. How This Democratic Tool Works*

to Liberate Us. New York : St. Martin's Press. 256 p.

Rüsen J. 2004. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // *History and Theory*. Vol. 43, iss. 4. P. 118-129. DOI 10.1111/j.1468-2303.2004.00301.x

Swidler A. 1986. Culture in Action: Symbols and Strategies // *American Sociological Review*. Vol. 51. P. 273-286.

Velasco J.Ch. 2020. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Human*. Vol. 12, iss. 5. P. 1-7. DOI 10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2

White H. 1978. Historical Text as Literary Artifact // *The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding* / ed. by R.H. Canary, H. Kozicki. Madison : The University of Wisconsin Press. P. 41-62.

Ziman J.M. 1998. Why Must Scientists Become More Ethically Sensitive Than They Used to Be? // *Science*. Vol. 282, iss. 5395. P. 1813-1814. DOI 10.1126/science.282.5395.1813

References

Alvesson M. *Organizational Culture*, Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr, 2005, 460 p. (In Russ.).

Anikin D.A., Batishchev R.Yu. "We Did Not Send You There": Media Representations of the War in Afghanistan and the Emergence and Practice of Cancel Culture in Post-Soviet Russia, *Journal of Media Studies*, 2024, vol. 6, no. 1, pp.172-187. (In Russ.). DOI 10.46539/gmd.v6i1.445

Appleman D. *Literature and the New Culture Wars: Triggers, Cancel Culture, and the Teacher's Dilemma*, W.W. Norton & Company, 2022, 192 p.

Assmann A. *Historical Amnesia – An Obsession with History*, Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2019, 552 p. (In Russ.).

Belyaeva E.V., Linkenko A.A. Ethization of History and Figures of Silence in Modern Cancel Culture, *Vorobyova O.V. (ed.) Silence and Silencing in History*, Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2023, pp. 300-322. (In Russ.).

Bevernage B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History', *Helgesson St., Svenungsson J. (eds.) The Ethos of History. Time and Responsibility*, New York & Oxford, Berghahn Books, 2018, pp. 71-93.

Bourdieu P. The Field of Science, *Bourdieu P. The Social Space: Fields and Practices*, Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii, Saint Petersburg, Aleteiya, 2005, pp. 473-517. (In Russ.).

Bracken P.J. *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*, London, Whurr Publishers, 2002, 258 p.

Burke P. History as Social Memory, *Burke P. Varieties of Cultural History*, Ithaca, Cornell University Press, 1997, pp. 43-59.

Deriglazova L.V., Pogorelskaya A.M. The Impact of Cancel Culture on Politics and International Relations, *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2023, vol. 16, no. 4, pp. 7-33. (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33

Fefelov A.F. The Discourse Around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs "Logic", *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2022, vol. 20, no. 1, pp. 126-144. (In Russ.). DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144

Finkelstein N. *I'll Burn that Bridge When I Get to It! Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom*, Sublation Press, 2023, 544 p.

Fishman L.G. Era of Upheaval as a Chance for Unifying Russian Identity, *Antinomii* [Antinomies], 2024, vol. 24, no. 1, pp. 39-52. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Golovashina O.V. H. White's "Metahistory" and the Social Conditions of Historical Responsibility, *Tempus et Memoria*, 2021, vol. 2, no. 2, pp. 73-79. (In Russ.). DOI 10.15826/tetm.2021.2.015

Hübinette T., Wikström P., Samuelsson J. Scientist or Racist? The Racialized Memory War Over Monuments to Carl Linnaeus in Sweden During the Black Lives Matter Summer of 2020, *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 27-55. DOI 10.29333/ejecs/1095

Leyh B.M. Imperatives of the Present: Black Lives Matter and the Politics of Memory and Memorialization, *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2020, vol. 38, no. 4, pp. 239-245. DOI 10.1177/0924051920967541

Linchenko A.A. Forms of Historical Oblivion and Figures of Silence in Commemorative Practices of the Black Lives Matter Movement: A Comparative Analysis of Media Discourses in English-Speaking Countries, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 225-243. (In Russ.). DOI 10.46539/gmd.v6i1.447

Lorenz C. Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for "Internal Realism", *History and Theory*, 1994, vol. 33, no. 3, pp. 342-376. DOI 10.2307/2505476

Ng E. *Cancel Culture. A Critical Analysis*, Cham, Palgrave Macmillan, 2022, 153 p.

Owens E. *The Case for Cancel Culture. How This Democratic Tool Works to Liberate Us*, New York, St. Martin's Press, 2023, 256 p.

Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century, *History and Theory*, 2004, vol. 43, no. 4, pp. 118-129. DOI 10.1111/j.1468-2303.2004.00301.x

Rustamova L.R., Ivanova D.G. Cancel Culture Towards Russia and How to Deal with It, *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2023, vol. 25, no. 2, pp. 434-444. (In Russ.). DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444

Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies, *American Sociological Review*, 1986, vol. 51, pp. 273-286.

Velasco J.Ch. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging, *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Human*, 2020, vol. 12, no. 5, pp. 1-7. DOI 10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2

White H. Historical Text as Literary Artifact, *Canary R.H., Kozicki H. (eds.) The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*, Madison, The University of Wisconsin Press, 1978, pp. 41-62.

Ziman J.M. Why Must Scientists Become More Ethically Sensitive than They Used to Be? *Science*, 1998, vol. 282, no. 5395, pp. 1813-1814. DOI 10.1126/science.282.5395.1813

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василий Николаевич Сыров

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Россия;
ORCID: 0000-0002-5498-4610;
ResearcherID: O-5765-2014;
Scopus AuthorID: 56308818400;
SPIN-код: 4556-5160;
E-mail: narrat@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily N. Syrov

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology, Epistemology and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
ORCID: 0000-0002-5498-4610;
ResearcherID: O-5765-2014;
Scopus AuthorID: 56308818400;
SPIN-code: 4556-5160;
E-mail: narrat@inbox.ru